

ВЕК ЛИТЕРАТУРЫ НА ОДНОЙ КРЫШЕ

ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ЭТАЖА ДОМА НИРНЗЕЕ

ИГОРЬ ДУАРДОВИЧ
Литературовед, литературный критик, журналист и эссеист. Директор редакции журнала «Вопросы литературы». Родился в 1989 году. В 2013–2019 годах работал в журнале «Новая Юность», где был ответственным секретарем и одновременно заведовал поэтическим

отделом. Член Союза журналистов России. Стипендиат Министерства культуры РФ (2014, 2015). Биограф и исследователь творчества Юрия Домбровского. Автор и редактор сайта Юрия Домбровского <https://dombrovskiy.online> (проект Музея истории ГУЛАГа, находится в разработке).

Журналу «Вопросы литературы» в этом году исполнилось 65 лет, и уже почти полвека его редакция располагается на крыше легендарного дома Нирнзее. Однако связь литературы и искусства с этим местом куда более длительная и глубокая, о чем и хочется рассказать. О феномене места.

Так, ровно сто лет назад, в апреле 1922 года, на крышу дома поднимался Булгаков и затем написал об этом в рассказе. Позднее писатель Ефим Зозуля, воображая Москву третьего тысячелетия, сделал мрачное предсказание о судьбе дома: «В 2022 году рухнет бывший дом Нирнзее в Б. Гнездииковском переулке». Год не закончился, но в редакции по этому поводу шутят, вспоминая о другом пророчестве – Маяковского...

Мы живем как в волшебном шкафу или квартире. Навсегда повзрослевший ребенок – современный горожанин – ничего не увидит в этом шкафу, кроме хорошего дерева и резьбы, оценив в общем эту конструкцию как весьма громоздкую, а в квартиру он и вовсе не попадет, не зная пароля-заклинания и не умея им пользоваться.

Это нужно просто осознать: есть в Москве особенная, потаенная крыша. В прошлом она была доступна москвичам, в тяжелые времена возвращала им веру в жизнь и радовала возможностью видеть в Москве Москву другую («Это вовсе не нэп, – писал Булгаков в рассказе “Сорок сороков”, – это сама жизнь. Москва начинает жить»).

Большая часть истории крыши – это литературная история. Литераторы живут на ней, словно в Макондо, уже сто лет. Для такого пространства, которое не музей, не архив, не институт и даже не отделение Союза писателей, это невозможно долгий срок (тем более в центре города, недалеко от Кремля). Можно считать это пространство таким же древним, как тысячелетний британский паб, о котором писали в новостях, или какой-нибудь

↑ «Вспоминается и масштабная вечеринка в стиле Гэтсби — с арфой, бас-гитарой, сансофоном и человеком в малиновом тринго...»

↑ Кабинет директора. 10-й этаж

ресторанный подвальчик в Италии, куда захаживали еще современники Цезаря.

Наш Цезарь – Булгаков, и наш «небесный подвальчик» тоже немного связан с общественным питанием.

Изначально на десятом этаже, спроектированном как надстройка поверх девяти основных, должна была размещаться домовая кухня и столовая. Архитектор Эрнст Нирнзее, отец которого был австриец, а мать полячка, стремясь максимально освободить от быта будущих жильцов, в первую очередь освободил их от готовки – в малогабаритных квартирах кухонь не предполагалось и места для них не предусматривалось. Компенсировать это должен был десятый этаж, поднявшись на который вы бы не увидели тогда ни редакционных шкафов, ни кабинетов, – это был огромный зал с антресолю; шестьсот квадратных метров, паркет французская елка, портрет императора, шестиметровые потолки и окна во всю стену. По периметру надстройку окружала плоская крыша, покрытая метлахской плиткой с белыми и коричневыми ромбами, выход на которую был через стеклянные двери.

Быт без быта, однако, так и не был налажен до конца: кухня не заработала. Нирнзее не успел воплотить свою идею полностью, так как вмешалась большая история. Дом был построен накануне мрачных событий – войны и революции (1912–1913 годы), ровесник «Титаника», он оказался в ледяных водах совсем другого океана – времени, эпохи – и даже пережил штурм, когда в октябре 1917 года его атаковали большевики.

Параллель со знаменитым пароходом не случайная, и не случайно революционеры уделили дому такое внимание. Первый небоскреб, «тучерез», чудо строительной мысли и техники, символ нового быта, поражающий, как

↑ Ресторан «Крыша». 1925 год

миф, и одновременно пугающий, этот дом и был московским «Титаником»; при взгляде снизу казалось, что он едва замечает беспокойный город. Плоская двухъярусная крыша его, возвышавшаяся, словно палуба, над старушкой-Москвой – полугородом-полудеревней, и видная на многие километры, сама по себе вызывала сравнение с кораблем у посещавших ее, а для военных – соответственно, без всякой лирики, – это была стратегическая высота.

Судя по рассказам москвоведов, большую часть тех лет зал на десятом этаже пустовал, пока в начале 1920-х годов здесь не появился ресторан «Крыша», которым ведал Моссельпром: «Нигде кроме как в Моссельпроме» – знаменитая фраза Маяковского, ставшая основным лозунгом треста. Крышу дома Нирнзее тогда уже успели окрестить «русским Нью-Йорком», но сочинители рекламы продолжали изощряться: «Единственное летом место отдыха, – писали они, – где в центре города предоставляется возможность дышать горным воздухом...» И здесь же были дешевая еда, оркестр с девяти вечера до двух ночи, подъем на лифтах, что само по себе было аттракционным (лифты еще были диковинкой), наконец, показывали первое кино*. А еще здесь «находилась бильярдная комната, где иногда Сергей Есенин нехотя играл в американку**».

Именно в это время в доме часто бывал Булгаков. Недавно он перебрался в Москву и теперь активно завоевывал ее в печати, публикуясь, в частности, в газете «Накануне» и в журнале «Россия», редакции которых располагались тут же, в Нирнзее. Было очень удобно: зашел в редакцию, потом

* Красная нива. 1925. №31. С. 736.

** Бессонов В. А., Янгиров Р. М. Дом Нирнзее // Про книги. 2017. №3. С. 73.

↑ Панорама, открывающаяся с дома Нирнзее, вид на Страстную (ныне Пушкинскую) площадь. 1915–1916 годы

поднялся проветриться – покурить, выпить вина или пива, съесть бутерброд и неожиданно придумать финал «Дьяволиады», герой которой попадает на ту же Крышу. Но чуть раньше «Дьяволиады» Булгаков писал о Крыше в «Сорока сороках», где даже указал месяц и год ее посещения – апрель 1922-го, то есть ровно сто лет назад. Наконец, в доме случилась судьбоносная встреча писателя со своей третьей женой Еленой Шиловской, ставшей прототипом Маргариты.

Кухонная история в итоге оказалась короткой, поскольку уже в середине 1930-х годов на последнем этаже прочно обосновалась литература. Не вполне ясно, правда, кто пользовался помещениями в самом начале десятилетия. Искусствовед и историк Н. Молева пишет, что здесь размещалось кооперативное издательство «Север», бывшее продолжением дела Сабашниковых, старых издателей, представителей высокой книжной и филологической культуры*. Однако у других исследователей такой информации нет. Наконец, в книге С. Белова «Книгоиздатели Сабашниковы» указан совсем другой адрес нового издательства: дом 36 на Арбате**. Известно также, что в доме 10 в Большом Гнездиновском в те годы «квартировало кооперативное <издательство> “Московское товарищество писателей”», но где именно оно «квартировало» – не на этой ли самой Крыше (?), – об этом не говорится***. Как бы то ни было, а в 1934 году**** оба кооператива ликвидировали, и на

* Молева Н. Повести старого дома // Вопросы литературы. 1989. №1. С. 289.

** Белов С. В. Книгоиздатели Сабашниковы. М.: Московский рабочий, 1974. С. 167.

*** Бессонов В. А., Янгиров Р. М. Указ. соч. С. 74–76.

**** А по другим сведениям – в 1933-м. См. в предыдущей сноске.

их месте появилось издательство «Советский писатель». При кооперативах ли или при «Советском писателе», но очевидно, что именно тогда – в начале – середине 1930-х – зал-столовую разгородили стенами-перегородками, дверями и встроенными шкафами, зашили в короба стальные колонны и замуровали часть балюстрады на антресоли, устроив там хранилище. С этого момента десятый этаж обрел свою современную планировку, и в таком виде он сохранился до наших дней – все те же помещения старого издательства времен, когда жить становилось лучше и веселее; даже несмотря на ремонт, мало что изменилось.

«Советский писатель» просуществовал в этих стенах сорок лет – до 1974 года. Какие только книги не выходили в одном из крупнейших издательств страны, и кто только не поднимался на десятый этаж: Твардовский, Пастернак, А. Толстой, Ахматова, Маршак, Солженицын, Ильф, Шолохов, Тарковский, Шкловский, Паустовский... Перечислять можно бесконечно.

Естественно, не все книги издавались – даже очень хорошие, не у всех книг была счастливая судьба, не говоря уже об их авторах. Чего стоит один только эпизод с Пастернаком.

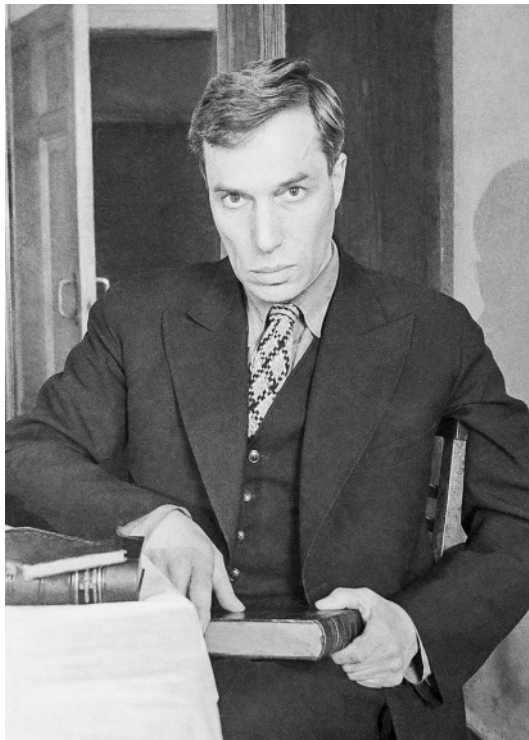
Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» долго «лежал» на крыше дома в Большом Гнездиновском – до 24 октября 1958 года (эта дата – присуждение писателю Нобелевской премии по литературе). Ему вали, предлагали сокращение, доработку текста, убеждали: пусть он пошлет телеграмму в иностранное издательство, скажет, что роман в издательстве «Советский писатель» находится на стадии последней работы, что он страстно хочет дождаться публикации сначала у себя на Родине. Работа шла планово: был прикреплен редактор, трудились корректоры... Но Пастернак «разрешил» заграничную публикацию, и ему пришлось отказать премию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Началась травля, которая отразилась в его стихах: «Я пропал, как зверь в загоне. / Где-то люди, воля, свет. / А за мною шум погони. / Мне наружу ходу нет...»

Пастернак поднимался на лифте на 10-й этаж в издательство «Советский писатель» – то за версткой, то для снятия каких-то текстовых вопросов, то для того, чтобы получить гонорар. «СП» был пастернаковским издательством, здесь в советское время выходили почти все его книги*.

Возьмем в руки библиографический указатель Б. Шиперовича, охватывающий 1934–1982 годы существования издательства. За полвека, как пишет составитель, было выпущено около четырнадцати тысяч книг общим тиражом полмиллиарда экземпляров**. К слову, суммарный фонд Ленинки (Российской государственной библиотеки) насчитывает всего лишь 47 миллионов книг, документов и артефактов, то есть одну десятую часть от этого числа, в то время как самая большая и богатая в мире библиотека – Британская – хранит 170 миллионов. Но даже если учесть, что у «Советского писателя» было еще второе, ленинградское отделение, печатавшее серию «Библиотека поэта», это все равно великое число томов, появившихся на одной только московской крыше. Думается, такое количество текстов, персонажей, сюжетов, идей, которые обрели здесь свое окончательное воплощение, просто не могло не повлиять на это место и не произвести своего рода магического эффекта.

* Там же. С. 80–81.

** Шиперович Б.Я. Издательство «Советский писатель»: Библиография 1934–1982. М.: Советский писатель, 1985. С. 3–4.

→ Пастернак в стенах
«Советского писателя».
23 сентября 1935 года.
Фото А. Лесса

Сразу после «Советского писателя» (в 1975 году) на Крыше поселились «Вопросы литературы» – журнал критики и литературоведения, редакция которого отчаянно нуждалась в улучшении рабочих условий. Журнал выходил уже не первый год, студенты-филологи шестидесятых прозвали его любя «Вопли», ничуть не смущаясь двусмысленности аббревиатуры, совсем не подходящей для главной площадки страны, где происходил разговор о литературе. А ведь разговор такого уровня долго оставался невозможным: журнал-предшественник «Литературный критик» был закрыт в 1940 году специальным постановлением ЦК. В этом смысле портрет Хрущева, висящий сегодня в редакции, – это не просто артефакт и не просто символ эпохи, это еще и своего рода точка отсчета. Оттепель была периодом невиданной свободы и оптимизма, жилищного строительства и кукурузы, Гагарина и первого искусственного спутника Земли, в год запуска которого, что символично, и появился наш журнал – спутник литературы.

В новом помещении «Вопросы...» почувствовали себя и вольготно, и солидно. Хватило места не только для редакционных отделов с конференц-залом и библиотекой, но и для буфета. Везде по восточной стороне из окон можно было любоваться Москвой, особенно на антресоли, окна которой были не такие дворцовые, как внизу, – не в два этажа, однако смотрели выше, дальше и шире. Антресоль целиком отдали корректорам, машинистам и одному человеку с очень важной и ответственной должностью. Этот человек стал обладателем лучшего окна с панорамным видом, захватывающим здание КГБ на Лубянке, «Детский мир», две сталинские высотки, мэрию, Кремль, Ленинку, а также Дом на набережной и Шуховскую башню. Это был сверщик цитат Маркса-Энгельса-Ленина, обитавший в комнатке-библиотеке. Комнатка эта была рядом с хранилищем.

«Вопросы литературы» сберегли и продолжили традиции литературного этажа, причем о когда-то существовавшем здесь издательстве до сих

пор напоминает многое. Взять хотя бы ту же планировку и стены, покрытые линкрустом – модным в начале XX века отделочным материалом из ткани или бумаги с нанесенной поверх пластмассой и рельефным рисунком. Наверное, самый простой способ увидеть сегодня эти обои для тех, кто любит старину, – это спуститься в московское метро на Сокольническую линию и дождаться исторического поезда. Внутри он обклеен линкрустом, причем с точно таким же узором в стиле ар-деко, как в редакции: ромбы, линии, круги, похожие на инопланетные знаки либо на символы светлого будущего. Кстати, о метро в помещениях журнала напоминают большие люстры сталинского ампира, густо покрытые не то патиной, не то ржавчиной и из-за высоты потолков висящие на длинных металлических шестах, словно спускающиеся пауки или парящие медузы.

Досталась журналу от «Советского писателя» и старая мебель 1920–30-х годов (неоклассицизм, модерн и конструктивизм), в частности, кресла, многие из которых подписаны сотрудниками издательства – теми, кто на них сидел. Под одним из сидений, например, фамилия Чагин. Скорее всего, это Петр Чагин – журналист, поэт, редактор и издатель, но в первую очередь один из ближайших друзей Есенина, под редакцией которого вышло «бесцензурное» «Избранное» поэта. В 1951–1956 годах Чагин возглавлял «Советский писатель».

Но не только память об издательстве сохранили эти стены: в 2020 году при разборе старой кладовки был обнаружен скрытый в стене шкафчик, заделанный и заштукатуренный. Когда его открыли, то увидели старые чугунные весы с уточками, правда, без гирек. В редакции эти весы сразу окрестили «наследством Моссельпрома»; кто знает, быть может, это действительно так, и они обвешивали еще Булгакова, или Маяковского, или еще кого-нибудь?

Однако литераторам не полагались крыши – они полагались только художникам. Это делало новый адрес исключительным вдвойне. Другие журналы были прибиты к земле, ютились в подвалах либо имели хоромы на первых этажах: «...в “Костре” работал. В этом тусклом месте, вдали от гонки и передовиц», – так начинается одно стихотворение Льва Лосева.

Среди сотрудников «Вопросов литературы» тоже были поэты – Татьяна Бек, Серго Ломинадзе и другие. Последний посвятил редакции следующие строчки, позволяющие судить о рабочей атмосфере в ней в доинтернетовскую эпоху:

*Работаю в толстом журнале,
Где дамы кричат, как в лесу.
Сижу, как кузнечик в пенале,
Исправную службу несю.*

Очевидно, стихотворение относится к периоду после переезда, так как образ журнала-леса говорит о пространстве, о потолках, о множестве комнат и анфиладах. Образ и точный, и в то же время лестный (пусть он и косвенный): с лесом сравнивали готические соборы, но никак не редакции журналов. Хотя тут же слова об уединении и даже заточении – этот самый «пенал». Во-первых, не все помещения такие большие, есть и крохотные и тесные, во-вторых, находясь на такой высоте вдали от равновысоких домов, а в некоторых кабинетах города вовсе не видно, действительно ощущаешь себя отрезанным от мира. В итоге именно анфилады, объединяющие по три-четыре комнаты, позволяли удобно перекикиваться. Даже сейчас

→ Наринатура П. Файдышева
«Самолюбие Нэпа».
1923 год

в редакции иногда кричат про лишнюю запятую, письмо от автора, про совещание у главного редактора или звонок в домофон, пренебрегая мессенджерами и электронной почтой.

Оден посочувствовал бы поэтам, работающим в журнале, так как считал, что работа, связанная с использованием слов, наносит прямой ущерб поэзии, однако сложно представить место, более подходящее для поэзии, чем крыша*. Каждый день мы становимся свидетелями неба, встречаем и провожаем солнце. Мы знаем, что лучшие рассветы и закаты в Москве бывают в конце весны, в начале и в конце лета. И только нам полностью понятен сюжет карикатуры П. Файдышева «Самолюбие Нэпа», напечатанной в 1923 году в журнале «Прожектор»: в ресторане на крыше Нирнзее в самой высокой точке – на смотровой вышке – сидит толстый нэпман с лицом-мордой, сидит один, сидит в дорогом костюме с шляпой, в одной руке он держит бутылку и не замечает, как из нее проливается вино, а другая рука высоко поднята с бокалом. Учитывая часы работы ресторана (с шести вечера до двух ночи) и то, как легко одеты другие посетители, изображенные на карикатуре, а также расположение вышки, очевидно, что это теплое время года, а нэпман смотрит в сторону Арбата и заходящего солнца, в честь которого, очевидно, и поднят бокал. Солнце, заходящее, как известно, на западе, в данном случае символизирует ненавистный капиталистический мир. Под рисунком подписано: «Вот человек, занимающий самое высокое положение в Москве!»

В девяностые-нулевые для всей литературной периодики началась печальная история, связанная с борьбой за выживание. Тиражи, гонорары и зарплаты падали – расходы на аренду, коммуналку и печать росли. Затем

* Оден У.Х. Рука красильщика: пер. с англ. Ф. Васильева // Новая Юность. 2018. №2. С. 64.

† И. Дуардович (слева), Г. Шульпянов (справа). «Полярники спасают бутылку». Февраль 2020 года. Фото А. Шаповаловой

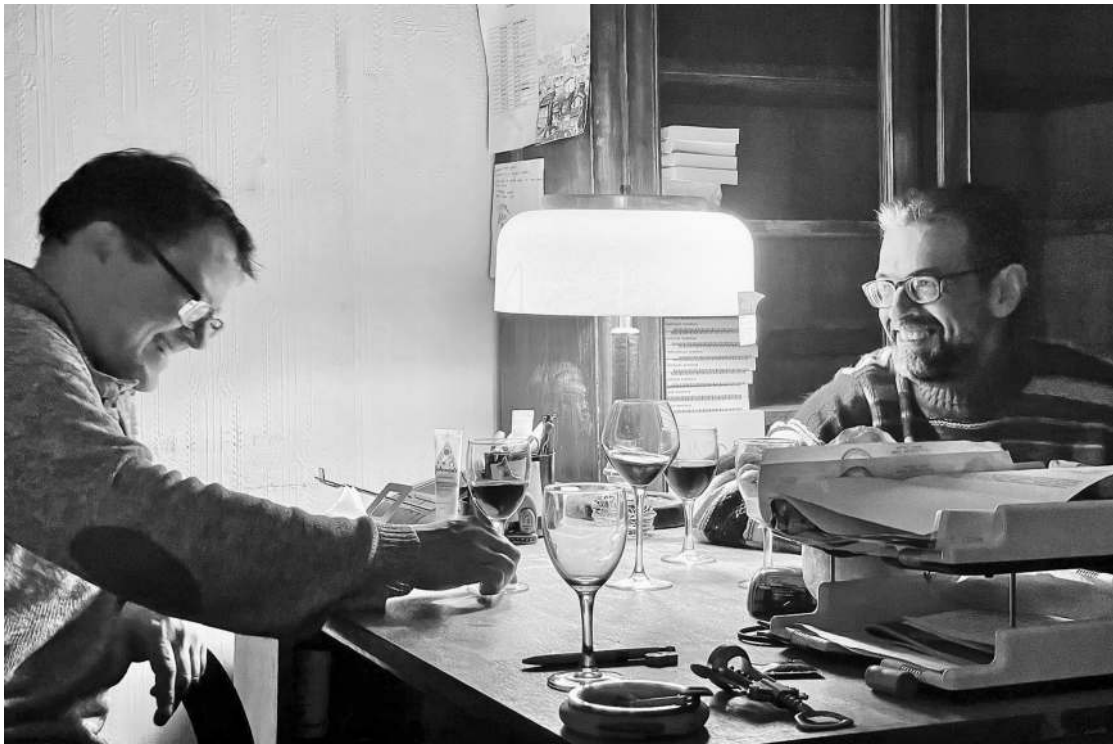
журналы начали выселять, и они стали закрываться. Журналы искали защитников.

Жизнь «Вопросов литературы» в это время осложняли не только экономические проблемы, но и соседи по дому из числа активных жильцов, организовавших так называемый совет дома. С начала нулевых жильцы из совета терзали журнал, словно печенку Прометея, и даже сумели отобрать часть территории, включая женский туалет и комнату на лестничной клетке, которую в бытность «Советского писателя» называли скворечником и в которой работал художник издательства, – всё вместе сорок четыре метра. Атака на журнал началась в момент, когда он находился в наиболее уязвимом положении, а именно при продлении договора аренды. В архиве редакции сохранился любопытный документ – обращение от старшей по дому Е. В. Черенковой к главному врачу СЭС ЦАО Э. И. Чигиревой (орфография и пунктуация сохранены).

Уважаемая г-жа Чигирева.

Прошу Вас не давать согласие Вашей службы на продление арендного договора редакции журнала «Вопросы литературы», располагающейся по адресу: Б. Гнездииковский пер., дом 10. / срок аренды истек 1 февраля 2000 года./ Данная просьба вызвана тем, что:

1. помещения располагаются на последнем этаже жилого дома этаж является нежилым, площадь 639 кв. м. (Ныне редакция занимает 595,1 кв. м. – И. Д.) Не имея возможности оплачивать такие площади редакция берет на большую часть помещений субарендаторов, что влечет за собой прохождение большого количества посторонних людей в дом.

† Г. Шульпянов и Е. Абдуллаев. Октябрь 2021 года. Фото А. Шаповаловой

2. вход в данные конторские помещения осуществляется через жилой подъезд, подъем на 10 этаж – на пассажирских лифтах, предназначенных для жителей, прохождение в свои помещения – по коридору 9-го жилого этажа.

3. подобное положение вещей противоречит СНиПам.

Убедительно прошу Вас поддержать данную просьбу. Аналогичные заявления были направлены в Москомимущество, управу, префектуру, госпожнадзор. Нами было предложено рассмотреть вопрос о передаче данных помещений под мастерские художникам. Нас поддержал в этом глава управы г-н Литовин у себя на приеме 10 апреля.

С уважением и надеждой...

Сомнительно, чтобы с художниками решилась проблема посторонних людей и прохода через жилые пространства. В этом смысле художники ничем не отличались от литераторов, так что старшая по дому фактически просила поменять шило на мыло. К слову, часть помещений на десятом этаже на тот момент уже принадлежала Союзу художников, и с самими художниками позднее у совета дома тоже началась война.

За журнал заступились Андрей Битов и ПЕН-центр. «Вопросы литературы» в итоге остались на родной Крыше, однако пришлось отказаться от «лишних» метров. Естественно, никаким художникам они не достались – в том же бывшем «скворечнике» стали заседать сами жильцы, откровенно называя его «швондерской». Но это была лишь часть компромисса. Дополнительно пришлось наварить на обе лестницы решетки со стальными дверями. Своим тюремным видом они и сегодня пугают всех, кто впервые посещает редакцию.

† Семинар поэзии Д. Воденнинова. Школа «Пишем на крыше»

Год 2022-й. За 65 лет – 8,5 миллионов экземпляров совокупного тиража журнала и более 15 тысяч публикаций.

Это много или мало?

Конечно, с «Советским писателем» «Вопросы литературы» не смогут тягаться. Это количество приблизительно равно одной книжной серии, например Большой серии «Библиотека поэта». Впрочем, не смогут «Вопросы» тягаться и с некоторыми бумажными собратьями, у которых были миллионные тиражи на переломе 1980-х и 1990-х годов («Новый мир» и т. д.). Однако мы забываем: речь о журнале критики и литературоведения, читательский круг которого, естественно, и меньше, и уже; в лучшие годы тираж каждого выпуска составлял от 25 до 30 тысяч экземпляров. При этом журнал был и остается известным во всем мире, его подписчиками являются все крупнейшие западные университеты, где изучают славистику, например Принстонский университет (США), Университет Хайфы (Израиль) и Лондонский университет королевы Марии (Великобритания).

Поднявшись сегодня в хранилище, вы увидите огромный скопленный архив – стопки номеров, напоминающие археологические пласты или культурные слои земли: чем глубже, тем темнее и желтее старая бумага, бледнее выцветшая обложка, хрупче корешок, но в то же время разнообразнее дизайн, который менялся в среднем раз в десять лет.

«Вопросы литературы» менялись – менялся не только журнал, менялись люди и авторы, редакция старилась и омолаживалась. В итоге именно способность к переменам позволила журналу выжить в девяностые, преодолеть нулевые и десятые. А теперь, оказавшись в двадцатых, мы побежали на всех парусах, чего не ожидал никто, и в первую очередь коллеги из цеха толстых журналов. Новая обложка и верстка, новый и самый современный сайт, новая

школа писательского мастерства «Пишем на крыше» и т. д. В редакции даже появился шуточный девиз: «Быстрее, выше, нирнзее!» Но осуществление самого главного, магистрального проекта еще впереди: журнал-корабль должен превратиться в Ноев ковчег для журналов. Проект, задуманный совместно с Государственным литературным музеем имени В. И. Даля, называется «Музей литературной периодики и печатной Москвы XX века, или Музей толстых журналов (МТЖ)».

Уже сегодня редакция проводит на своей территории выставки, которые пока посвящены писателям и дому в их судьбе. В прошлом году открылась первая выставка «Михаил Булгаков в доме Нирнзее», организованная с Музеем М. А. Булгакова. Недавно заработала выставка «Юрий Домбровский: homo liber», сделанная с Музеем истории ГУЛАГа. Ныне – уже самостоятельно – готовится еще одна – под названием «Литературный этаж». Она будет рассказывать как раз о вековой литературной истории Крыши. Специально к ее началу редакция готовит инсталляцию «Книги Крыши»: в одном из помещений появится огромный стеллаж во всю стену от пола до потолка размерами шесть метров в высоту и десять в длину, который будет уставлен книгами «Советского писателя», появившимися здесь в разное время. По сути, это будет библиотека-мемориал.

Кое-что очень важное, однако, не менялось все эти годы – это открытость и гостеприимство редакции, которая была неофициальным клубом для писателей, художников, деятелей книги и любителей литературы, да и просто для интересующихся домом – точно так же, как это было в «Советском писателе» или в легендарной квартире на одном из верхних этажей, которую сто лет назад футуристы превратили в свой штаб.

В первой книге москвоведов Бессонова и Янгирова, посвященной дому, есть фрагмент воспоминаний об этой квартире: «Устраивались внезапные доклады, стихи читались бессистемно, но горячо... Подчас гости и вовсе не знали, кто владелец квартиры... Притаскивали к чаю закуски с лежащей внизу Тверской. И, устав от криков и чтений, выбирались на крышу дома»*. Читаешь и понимаешь, что, несмотря на некоторую разницу атмосферы, суть у нынешнего редакционного клуба та же – это глоток воздуха.

Клуб существует до сих пор. Его день – пятница. Его время – вечер. Его завсегдатаи – в основном поэты, среди них есть известные: Глеб Шульпяков, Дмитрий Воденников и другие.

Вспоминается и масштабная вечеринка в стиле Гэтсби – с арфой, бас-гитарой, саксофоном и человеком в малиновом трико, когда Крыша как будто вернулась назад во времени – в свое ресторанное и футуристическое прошлое.

Но только Крыша сегодня закрыта, причем даже для самих жителей старого небоскреба: так постановил совет дома, в связи с чем хочется напомнить, что когда-то были совсем другие планы – в той же книге Бессонова и Янгирова читаем в послесловии:

Дело взяли в свои руки энергичные, инициативные люди, по-настоящему озабоченные судьбой своего дома. Им движет здравый смысл и хозяйское отношение к неиспользуемым ныне возможностям – не только обустроить внутридомовую быт, но и поделиться им с городом. В планах выборного прав-

* Бессонов В. А., Янгиров Р. М. Большой Гнездниковский переулок, 10. М.: Московский рабочий, 1990. С. 76.

ления (предшествовало совету дома. – И. Д.) – оборудование кафе в одном из подвальных помещений, открытие теннисного корта на крыше, организация экскурсий на смотровую площадку...*

Крыша не только закрыта, но и разбита, как после осады вражеской армии. Стены оголены, кирпич крошится, а швеллеры рассыпаются от ржавчины. Все это следы начатого было пару лет назад, заглохшего в пандемию и так и не доведенного до конца капитального ремонта. В этом смысле предсказание забытого ныне писателя Ефима Зозули, сделанное на десятилетие Октября, отчасти сбылось: «В 2022 году рухнет бывший дом Нирнзее в Б. Гнездиновском переулке». В то же время пророчество Маяковского из поэмы «Пятый интернационал» до сих пор остается на бумаге:

*Помните,
дом Нирнзее стоял,
Над лачугами крышцу взвевая?
Так вот:
теперь
под гигантами грибочком
эта самая крыша
Нирнзеевая.*

И все-таки Крыша уже не так заметна – соседние дома практически полностью утопили предвестника Москвы-Сити в его тесном средневековом переулке; дом уже больше не поражает высотой и смотрится как обыкновенная многоэтажка в спальном районе.

Все это невозможно и невероятно – век литературы в одном месте прямо посреди Москвы. Кажется, что этот заповедник возник и существует подобно уголкам природы, которые обходит стихия, меняющийся климат и человек. Об этом мирке нужно знать. Этот мирок отважен, но очень хрупок. Погубить его может банальное равнодушие, непонимание и неверная расстановка приоритетов в культурной политике. Именно поэтому неоценима поддержка города, оказываемая журналу в последние годы, без которой никаких проектов не было бы. Главным образом это помощь Департамента средств массовой информации и рекламы.

Хочется, чтобы и совет дома понял важность и необходимость сохранения своего нематериального культурного наследия, ведь жильцы и сегодня говорят нам: «Вас здесь быть не должно!» Однако литература жила на Крыше, когда многие из них еще не родились. Тем самым жильцы отрицают вековую литературную историю дома, а также значительную часть его культурной истории.

Старый небоскреб связан не только с писателями, но и с кино и с театром. Скажем об этом вкратце, чтобы не повторять уже известное.

Когда-то на Крыше была колыбель «десятой музы» – располагался съемочный кинопавильон «Товарищества В. Венгеров и В. Гардин», где создавались первые немые фильмы, затем при ресторане работал один из первых кинотеатров. В 1970-е здесь снимали сцену из «Служебного романа», а в 1980-е – фильм Шахназарова «Курьер», ставший культовым для постафганского поколения. Действие последнего происходит в стенах «Вопросов литературы», названных там «Вопросами познания».

* Там же. С. 107.

В подвале дома в начале века располагался театр-кабаре «Летучая мышь», тогдашний КВН и Comedy Club, а сегодня здесь находится другое учреждение-старожил дома – студенческий театр ГИТИСа, которому, что неудивительно, тоже приходится держать оборону против совета дома. В последний раз борьба развернулась вокруг исторического козырька над входом в театр, который вечерами так уютно светит множеством лампочек: «Это нарушение архитектуры дома! Козырек нужно убрать!» – заявила на собрании одна из активисток. К счастью, пока что козырек на месте.

Но ведь это же очевидно: именно литература, театр, кино сохраняют и прославляют дом! Взять хотя бы главы из уже упомянутой книги Бессонова и Янгирова, которые первоначально публиковались на страницах «Вопросов литературы»*.

Мы выходим на запрещенную крышу. Мы смотрим вниз. Орды времени пробегают. Это очень страшный бег. Мы, работники маленького журнала критики и литературоведения, застывшие в своем литературном саду, как античные фигуры на полотнах Семирадского, в самые тяжелые минуты обращаемся к нашим призракам. Наверное, это еще один секрет выживания.

Булгаков, спаси нас и сохрани.

* См. 1989 год, №7, с. 261–271; №9, с. 262–270; №11, с. 270–278; и 1990 год, №1, с. 253–260.